

Богу богово...

Попалась (иначе не скажешь!) мне в руки любопытная книга поэтессы, позиционирующей себя православным автором. Имени называть не буду, всё равно это ни о чём никому не скажет, ведь книги сегодня не издаёт только тот, кто не обладает талантом найти спонсоров, до этого отнюдь не считая нужным озаботиться поиском редактора

концовкой можно испортить даже самое сильное стихотворение. И наоборот, сильной концовкой можно спасти даже самое средненькое стихотворение. В жанре православной поэзии о «контрольных выстрелах» говорить негоже, однако это не избавляет авторов от необходимости заканчивать стихотворение красиво и гармонично.

А что мы видим в данном случае? За основу взят ложный постулат о «последнем рабе Бога». У Бога, как известно, нет ни первых, ни последних. Перед Богом равны и монарх, и нищий, и певец, и олигарх... Есть на тему «первые-последние» христианский постулат: те, кто были первыми, будут последними, и наоборот... Потому и советую авторам быть очень образованными, если замахнулись, понимаете ли, на православные стихи, которые не есть место сбыта неисчислимо повторяемых слов «душа», «Бог», «ангел»...

Чтобы разговор был предметным, надо опираться на стихи, которые, в идеале, должны быть лучшими друзьями автора, но часто становятся его врагами.

Благодарю Тебя, Господь,
Что в этот мир пришла не пустоцветом,
Что детским смехом и теплом согрета,
Благодарю Тебя, Господь...

Вроде обычное риторическое четверостишие, повествующее о том, что женщина стала матерью. Однако в тексте, по воле и задумке автора, присутствует претензия на не житейское, но бытийное прочтение, ибо имеет место обращение к Богу. Что ж, в миру никакое обращение к Богу любого из нас лишним не бывает. Другое дело, когда к Богу обращается не просто рядовой молитвенник, но человек, позиционирующий себя поэтом. Но не будем перечить автору, прочитаем четверостишие с бытийного ракурса. А с точки зрения бытия понятие «пустоцвет» отнюдь не ботаническое. Это в миру обыденном про бездетную женщину говорят «пустоцвет». А в жизни духа и души девушка-девственница, принявшая монашеский постриг и оставшаяся бездетной, никак к пустоцветам быть отнесена не может. Такая молитвенница с бытийных позиций более плодородна, чем иная многодетная мать. Примеров можно много привести, назову лишь навскидку Святую Евфросинию Полоцкую... Так не лучше ли не припрягать в повествование имя Бога, которое сразу опровергает всю ситуацию, а просто написать о своей радости с житейских женских позиций? Чем больше неоправданный пафос — тем меньше веры автору!

...И пусть мне придётся всю жизнь мою
Спорить с жестоким веком.
Роскошь позволю себе одну —
Быть человеком.

Если бы это написал человек, не позиционирующий себя православным поэтом, оно бы и ничего. Хотя никаких новых открытий читателю не даёт. Таких стихов немало писано-переписано в советское время, и все они так или иначе вытекают из горьковского, отдающего нищенством, постулата: «Человек — это звучит гордо». Гордыня в православии едва ли не самый тяжкий грех, как смирение — едва ли не самое большое достоинство. Мы сейчас не будем обсуждать, хорошо это или плохо, просто в православии это так по факту. И уж если рассудить метафизически, то быть человеком и стать человеком — две большие разницы. По сути,

все мы ежедневно и даже ежечасно сдаём экзамен на звание человека. То есть наше вочеловечивание — скорее процесс, нежели результат. Собственно, об этом написаны едва ли не самые лучшие стихи лучших поэтов — о том, как душа и дух преодолевают телесную юдоль, что говорится, с переменным успехом.

В данном стихотворении нет этой сакральной метафизической динамики, которой только и бывает интересно стихотворение. Зато есть гордый дидактизм, скорее уместный в речи проповедника, нежели поэта, который обличение несовершенного мира начинает с обличения себя, никак иначе! Православность поэта не в том, чтобы поучать читательскую «паству», а в особо жёстком осознании изначальной собственной греховности. Только из этого осознания могут вытечь по-настоящему духовные стихи! Кроткие стихи-покаяния, а гордые не стихи-поучения.

Однако отвлечёмся от православности. Вот, к примеру, обращение автора к родному дому:

Здесь изба саманная
лет уж пять не мазана.
Здесь малина-ягода растёт
не подвязана.
И тоскою налита чёрная смородина.
Защемило сердце — прости меня,
Родина...

...Прости меня, Родина,
я приеду надолго
Избу свою выбелю, соберу все ягоды...

Сразу скажу, что, несмотря на множество «косяков» с ударениями, интонационно это стихотворение выгодно выделяется из прочих в книге — естественностью и отсутствием выпренности. Песенно-просторечная интонация, означенная предметика... Хотя рифма «Родина — смородина», конечно, не есть плюс... Интонационно текст организован так, что в обоих случаях слово «прости» произносится с ударением на первый слог, неграмотно! Далее. «Избу свою выбелю», слово «свою» — тоже ударение не там, и вполне можно заменить это неправильно ударенное и не несущее смысловой окраски слово, предположим, на «избу мелом выбелю...». Вариантов при авторском желании и доброй редакторской воле можно найти множество, чтобы «косячное» слово заменить на слово самоцветное, которое украсит текст.

Теперь по смыслу. Православный автор намерен собрать ягоды, хотя не ухаживал за ними, не подвязывал. Нацелен не на процесс труда, а на процесс потребления результатов. Маленькая тонкость, которая с точки зрения православной, когда наградой человеку является сам труд, мало стыкуется с православным взглядом на мир. Автор здесь, что говорится, «прокальвается», и поневоле начинаешь сомневаться в его православности. Ну, написала бы «обниму» смородину — не так потребительски и, обнимая растение, человек как бы очеловечивает его. Вспомнил Николай Рубцов, никогда не позиционировавший себя православным поэтом, но бывший таковым по своему изначально: «Буду поливать цветы, // Думать о своей судьбе...». Заметьте, не собирать, но поливать, т.е. заботиться. Это и есть православный взгляд на мир, и очень православное по сути стихотворение, хотя о Боге речи не идёт и имя Бога все не упоминается ни разу... Добавить к этому нечего!

Диана КАН

А уж православная графомания ныне цветёт похлеще, чем раньше стихи о партии и о Ленине! Обилие «приходских» стихов, которые называют духовными лишь по той причине, что количество «помятия Бога всеу» там зашкаливает, констатируется повсеместно. Словно люди забыли напрочь, что талант на Руси исконно назывался божьим даром, и, стало быть, «нетленки», не отмеченные этим самым даром, не могут считаться духовными в принципе.

Хоть сто раз повтори «халва», во рту слаще не станет. Хоть тысячу раз скажи «Бог», божественнее стихота не станут, если не отмечены божьей искрой. К сожалению, это вроде бы прописные истины, но, видимо, надо время от времени освежать их в памяти. К тому же специфика духовной и православной поэзии в том, что тонкости там имеют принципиальное значение, их не прикроешь так называемой «авторской волей своевольной», они должны быть проверены канонами православия. Почему не называю фамилию горе-поэтессы? Потому, что буду разбирать не её и даже не столько её книгу, сколько само явление, которое часто сегодня называют «приходской графоманией». Причём, что примечательно: даже талантливые авторы от неё не застрахованы, ибо искушение не дремлет.

Вспоминается другая книга, которую довелось мне составлять и редактировать. Автор — женщина судьбы непростой, но талантливая, обладает и темпераментом, и языком, причём, что очень важно, языком объёмным, самоцветным, не стёртым, как сегодня часто бывает. С другой стороны, сама автор далеко не всегда могла совладать с таким богатством, что досталось ей по праву таланта и генетики. Когда я работала с рукописью Ольги, частенько изумлялась тем находкам, которым сама автор не всегда могла воздать должное. Поначалу Ольга ершилась, но потом до неё дошла вся очевидность моих требований... В общем, хотя я и строга была, но расстались мы с ней очень хорошо. Книга получилась хорошая даже по моим жёст-

ким критериям. И кстати, издали её по благословению священника.

На самом последнем этапе я попросила посмотреть сборник ещё одного коллегу, мнению которого очень доверяю. И вот тут выяснилось, что название, которым я, увлекшись рукописью, не озаботилась, для православной книги не годится. Хотя название хорошее — «Берегиня». Тут тебе и берёза-матушка, и просто матушка, и Россия-берегиня, и так далее. Удачное многозначное название для книги стихов. Но не для книги православных стихов! Ведь берегинями были языческие девичьи духи леса, воплощённые в берёзе и олицетворяемые ею. Налицо тот самый случай, когда то, что удачно для поэзии вообще, для православной поэзии неприемлемо в принципе. Название, конечно, поменяли, книга вышла, в ней Ольга предстала действительно самобытным автором, а потому неудивительно, что её вскорости приняли в Союз писателей России. Но этот случай с «православной берегиней» я запомнила надолго!

Ну, а теперь вернусь к книге, с которой начала.

И пусть не прельщают вас радости мира,
Где зависть и злость развращают умы...
Лучше последней рабой быть у Бога,
Чем первою леди в руках сатаны.

Оставим на совести автора дидактизм, словно автор — истина в последней инстанции. Хотя сказано, что главный грех — гордыня! Оставим также и проблемы с формой: полное отсутствие рифмы «мира — бога», и очень-очень относительную рифму «умы — сатаны». Сосредоточимся на двух последних строках. Не станем требовать от православных стихов и того, что концовка стихотворения — это «контрольный выстрел» в голову читателя. Выражение это я впервые услышала от Евгения Семичева, известного «магистра концовок», выражение сколь жёсткое, столь же профессиональное: профессионалы вообще редко бывают добренькими, это прерогатива дилетантов. Аксиоматично, что слабой